

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый государь, г. редакторы!

Въ № 291 газеты „Нижегородскій листокъ“ авторъ замѣтки, посвященной городскому театру съ его труппой, дѣлаетъ нѣсколько серьезныхъ упрековъ репертуару, который ведется текущій сезонъ въ городскомъ театрѣ, и высказываетъ нѣсколько мыслей по поводу постановки театрального дѣла вообще. Прежде всего я долженъ упрекнуть г. С. Г. (автора замѣтки) въ томъ, что онъ, вспоминая сезонъ Незлобина, совершенно несправедливо говоритъ, что въ этотъ сезонъ театръ знакомилъ публику какъ-бы исключительно съ такимъ репертуаромъ, какъ Ибсенъ, Гауптманъ, Чеховъ, и что только поэтому публика шла охотно въ театръ, прощая все недочеты исполнения и слабую труппу (миѣніе автора замѣтки). На это я могу сказать, что въ данную минуту передо мной лежитъ списокъ пьесъ, шедшихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ за два года антрепризы г. Незлобина,—и увы! Въ этомъ списокѣ такъ же, какъ и въ репертуарѣ большинства провинціальныхъ театровъ, на ряду съ такими пьесами, какъ „Три сестры“, „Чайка“, „Потонувшій колоколъ“, „Докторъ Штокманъ“,—пестрять такія пьесы, какъ „Убіеніе Коверлей“, „Жертва нищеты“, „Два подростка“, „Петръ Великій“, „Контролеръ спальныхъ вагоновъ“ и многія другія пьесы, которыя по своимъ достоинствамъ едва-ли могутъ быть причислены къ ряду литературныхъ произведеній, призванныхъ знакомить публику съ новѣйшими теченіями въ искусствѣ. Итакъ, не знаю, умышленно или неумышленно, но ссылка на репертуаръ г. Незлобина была сдѣлана невѣрно. Перехожу дальше къ той части замѣтки, гдѣ авторъ говоритъ, что слѣдуетъ

знакомить публику только съ тѣми новинками столичныхъ сценъ, которыя имѣютъ значительныя литературныя достоинства. Но много ли появляется новыхъ пьесъ, литературныя достоинства которыхъ были-бы выше всякаго сомнѣнія? Изъ русскихъ драматурговъ мы знаемъ только двухъ, въ настоящее время являющихся проводниками новаго вѣянія въ искусство,—это М. Горькій и А. Чеховъ; но, вѣдь, въ настоящемъ сезонѣ ни тотъ, ни другой авторъ не дали еще новыхъ пьесъ, которыя уже можно бы было поставить, а между тѣмъ на столичныхъ сценахъ одна за другой появляются новинки, вызывающія всеобщій интересъ, заставляющія и прессу, и зрителей волноваться, спорить, превозносить тотъ или иной приговоръ пьесѣ; публика провинциальныхъ городовъ слѣдитъ за репертуаромъ столичныхъ театровъ, за отрицательными и положительными отзывами столичной прессы о ней, и въ правѣ требовать отъ антрепризы, чтобы постановкой этой новинки на мѣстной сценѣ зрителямъ была дана возможность самимъ разобратся въ ея достоинствахъ и недостаткахъ и произнести ей собственный приговоръ. Да и опять повторяю, если мы исключимъ произведенія двухъ—трехъ авторовъ, литературность которыхъ стоитъ выше всякихъ сомнѣній, то, вѣдь, въ другихъ случаяхъ очень часто литературность или нелитературность пьесы является спорнымъ вопросомъ, безапелляціонное разрѣшеніе котораго не возьмешь на себя лично. Какъ лучшее подтвержденіе сказаннаго, можно привести инцидентъ съ пьесой „Волны“ („Въ странѣ любви“), которая идетъ въ настоящее время въ театрѣ Корша; судьба этой пьесы такова, какъ рисуется она изъ письма автора пьесы, помещеннаго въ московскихъ и перепечатаннаго въ мѣстныхъ газетахъ: пьеса „Въ странѣ любви“ была представлена на судъ литературнаго комитета въ Петербургѣ, и комитетъ этотъ въ составъ котораго входять многіе видные литераторы и даже нѣсколько академиковъ,—пьесу нашелъ заслуживающей похвальнаго отзыва и одобрилъ въ представленію въ Императорскихъ театрахъ. Но дальше, попавъ на судъ репертуарной коммисіи, состоящей изъ режиссеровъ и артистовъ Александринскаго театра,—пьеса была забракована, какъ *лишняя литературныхъ достоинствъ*, а затѣмъ, поставленная на московской сценѣ, она вызвала живой интересъ въ публикѣ, заслужила одобрительные отзывы многихъ газетъ и заняла видное мѣсто въ репертуарѣ. Какъ же быть съ этой пьесой? Если даже, по прочтеніи пьесы, она не произведетъ на меня впечатлѣнія серьезнаго литературнаго произведенія, то, вправѣ ли я все-таки не ставить ее совершенно, лишивъ тѣмъ публику возможности разобратся въ хаосѣ разнорѣчивыхъ мнѣній объ этой пьесѣ? Мнѣ кажется, что нѣтъ. Далѣе, сдѣлавъ не совсемъ удачную попытку на антрепризу г. Невлобина, который якобы ставилъ только пьесы Чехова, Ибсена Гаунтмана, г. С. Г. забываетъ, что если-бы даже это было и такъ,—то, вѣдь, это было въ сезонъ, когда пьесы Чехова только появились, и ихъ захватывающій интересъ новизны создавалъ возможность ставить ихъ нѣсколько разъ подъ рядъ, пока вся публика, посѣщающая театръ, не пересмотрѣла ихъ. Далѣе интересъ къ нимъ ослаблялся, и пьеса „Чайка“, поставленная мною въ прошломъ сезонѣ, прошла почти при пустомъ театрѣ, несмотря на то, что въ центральной роли выступила г-жа Чарусевая, артистка, пользующаяся безусловной любовью публики, и нѣкоторые театралы объявляли мнѣ это просто тѣмъ, что эта пьеса шла ужъ много разъ на здѣшней сценѣ. Если автору замѣтки не чужда справедливость, то едва-ли онъ станетъ отрицать, что въ прошломъ сезонѣ у меня были поставлены всѣ новинки лучшихъ авторовъ (Зудерманъ, Гаунтманъ, Горькій) едва только они появились на свѣтъ и выходили изъ цензуры, а пьеса „На днѣ“, разрѣшенія на постановку которой я не могъ добиться въ зимнемъ сезонѣ, была мною поставлена Великимъ постомъ, хотя для этого пришлось организовать цѣлую труппу и привозить ее въ Нижній для нѣсколькихъ спектаклей. Кто-же виноватъ теперь въ томъ, что никто изъ крупныхъ литераторовъ не подарилъ насъ еще въ этомъ сезонѣ новой пьесой, и что приходится играть или старыя пьесы, или тѣ новинки, которыя, хотя и имѣютъ успѣхъ на столичныхъ сценахъ, но не блещутъ серьезными литературными достоинствами. Теперь перехожу къ нѣскольکو рискованному положенію, высказанному авторомъ по поводу репертуара и исполненія вообще пьесъ. Онъ высказываетъ мнѣніе, что *публику интересуется сама пьеса, а не то, какъ тотъ или другой артистъ исполняетъ данную роль*. Съ этимъ согласиться я никакъ не могу, напротивъ, каждый согласится, вѣроятно, съ тѣмъ, что иногда самое лучшее произведеніе драматической литературы можетъ быть обобщенно бездарнымъ или даже посредственнымъ исполненіемъ, и наоборотъ, нрѣдко болѣе слабая пьеса принимаетъ интересную окраску, благодаря талантливому и яркому исполненію. Авторъ находитъ, что „такой интересъ къ театру прочтѣе и выгоднѣе для антрепризы“. Не думаю. Хотя въ матеріальномъ отношеніи для антрепризы, конечно, стоило бы значительно дешевле отпустить тѣхъ артистовъ моей труппы, о которыхъ г. С. Г. даетъ такой лестный отзывъ въ началѣ своей замѣтки, и которымъ приходится платить чуть-ли не тысячные оклады, а затѣмъ, замѣнивъ ихъ полуопытными любителями, или начинающими актерами, вести хотя бы самый серьезный репертуаръ. Но я не думаю, чтобы отъ этого выиграла художественная сторона дѣла, если бы даже при этомъ репертуаръ состоялъ только изъ пьесъ Ибсена, Гаунтмана и Чехова. Не знаю, мнѣ такая комбинація никогда не представлялась возможной, да и не думаю, чтобы кто-либо изъ посѣтителей театра отнесся „сочувственно къ такой театральной реформѣ“. Если авторъ, пропагандируя такую постановку дѣла, гдѣ принимается въ расчетъ только репертуаръ и не требуется для него исполнителей, имѣетъ въ виду организацію предстоящихъ спектаклей въ Народномъ домѣ—то напрасно онъ упускаетъ изъ виду, что самыя задачи народнаго театра носятъ особый, исключительный характеръ, и то, что приложимо къ нему, совершенно непригодно для веденія обще-театральнаго дѣла, рассчитаннаго на болѣе интеллигентнаго и требовательнаго зрителя. Цѣль народнаго театра вообще,—дать возможность придти въ театръ тому зрителю, для котораго этотъ родъ разумнаго и полезнаго развлеченія никогда не являлся доступнымъ, и сумѣть увѣршить въ немъ любовь къ театру. Таковы мнѣ думалось, задачи нижегородскаго Народнаго дома, насколько я могъ судить по тѣмъ планамъ и проектамъ поставленнымъ въ немъ спектаклей, которые обсуждались при моемъ участіи коммисіей по устройству народныхъ развлеченій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Я помню тотъ исключительный репертуаръ, который вмѣнялся въ обязанность будущему антрепренеру, помню страстные дебаты о возможно-доступныхъ цѣнахъ, горячія фразы о томъ, что задача будущаго театра—дать возможность даже обитателю ночлежки или поденному рабочему—грузчику придти вечеромъ въ театръ и убить свой досугъ болѣе разумно и съ болѣе пользой, чѣмъ онъ сдѣлалъ бы это гдѣ-нибудь въ трактирѣ или пивной, на пристани гдѣ онъ работалъ весь день. При такихъ условіяхъ и репертуаръ, конечно, складывается совершенно иначе, чѣмъ въ обще-театральномъ

предпріятіи, такъ какъ часто самая старая, заграничная, хорошая піеса, давно ужъ потерявшая интересъ для интеллигентнаго избалованнаго зрителя,—является цѣлымъ откровеніемъ для посѣтителя народныхъ спектаклей, пришедшаго, можетъ быть, въ первый разъ въ своей жизни въ театръ; точно такъ же совершенно другія требованія предъявляются и къ исполненію піесы, поставленной народнымъ спектаклемъ; здѣсь очень часто піеса, только грамотна и толково прочитанная исполнителями, является большимъ шагомъ къ выполненію задачи, такъ какъ фабула и сентенція піесы, при извѣстной непосредственности зрителя, часто отодвигаетъ собой на второй планъ вопросъ объ исполненіи. Совершенно иначе приходится ставить дѣло, когда надо считаться съ аудиторіей, въ теченіе не одного десятка лѣтъ избалованной игрой первоклассныхъ артистовъ и предъявляющей къ исполненію тѣ строгія требованія, которыя предъявляетъ къ сценѣ зрительный залъ нижегородскаго театра. Мнѣ кажется, совершенно напрасно авторъ замѣтки прибѣгаетъ къ системѣ какого-то запугиванія народнымъ театромъ, выставивъ его въ роли опаснаго конкуррента городского театра. Прежде всего, мнѣ это неприятно ужъ потому, что, Литая самое искреннее сочувствіе и желаніе успѣха такому симпатичному начинанію, какъ организація народныхъ спектаклей,—я ни на одну минутку не желалъ-бы чувствовать себя въ роли, которую мнѣ навязываетъ замѣтка, т. е. въ роли конкуррента по отношенію его, и напротивъ, былъ бы очень радъ всѣми силами служить ихъ содѣйствію. Авторъ замѣтки заботливо совѣтуетъ городскому театру „подтянуться“ съ репертуаромъ въ виду предстоящей конкуренціи. Къ чему, повторяю, это запугиваніе? Право, оно вовсе не нужно. Если въ веденіи моего дѣла могутъ быть ошибки, которыя возможны у меня, какъ и въ каждомъ дѣлѣ,—то, право, безъ всякихъ запугиваній, проще указать на нихъ, и это указаніе всегда будетъ принято къ свѣдѣнію, разъ оно не лишено основаній. Итакъ, будемъ думать, что и возникновеніе народнаго театра не помѣшаетъ каждому дѣлать свое дѣло, не вступая на скользкій путь вражды и конкуренціи, которая въ театральномъ дѣлѣ является только помѣхой для разумной и полезной работы.

Антрепренеръ Городскаго Николаевскаго
театра Д. Басмановъ.